

Следующие несколько дней Лу Силай только и делал, что развлекал престарелого монарха всяческой чепухой. Лишь теперь он в полной мере осознал, почему утренние аудиенции Янь Шэня длились так недолго: старый император на них попросту не являлся. Каждое утро евнух Лю лишь выходил в главный зал, чтобы объявить о роспуске собрания, и на этом государственные дела заканчивались.

Южная библиотека была до потолка завалена свитками с докладами, но император не желал даже смотреть в их сторону. Лу Силай понимал его: старик чувствовал, что дни его сочтены, и спешил насладиться жизнью напоследок.

Тем временем наследный принц продолжал свою ежедневную пантомиму с «покаянием с розгами за спиной», но государь упорно отказывался его принимать, заявляя, что этот вид лишь «портит ему аппетит».

На второй день Янь Шэнь примчался к почивальне императора, требуя аудиенции. Похоже, он не на шутку разволновался, ведь Лу Силай впервые за долгое время пропал на всю ночь. Однако, стоило премьер-министру увидеть своего подопечного живым-здоровым — да еще и в таком фаворе у государя, — он помрачнел. Отвесив поклон Его Величеству, он развернулся и ушел, гневно взмахнув широкими руками.

Лишь позже Лу Силай узнал, что за эти жалкие несколько дней его дурная слава успела разлететься по всей столице. Чиновники наперебой клеймили его «подлым льстецом, губящим государя». Самому Лу Силаю, который официально занимал должность личного императорского фаворита-льстеца, было на это плевать, но Янь Шэнь, как и Хэ Юйху, всегда кичился своей безупречной репутацией неподкупного мужа. То, что в его собственном поместье взрастили такого проходимца, стало для него несмыслимым позором.

Закономерным итогом стал вечер дома, когда Янь Шэнь в очередной раз отходил его палками. Впрочем, после экзекуции премьер-министр умыл руки и предоставил юношу самому себе.

Сам Лу Силай не видел в происходящем ничего предосудительного. Разве это преступление — дать умирающему старику вволю наиграться перед концом? И хотя Янь Шэнь на словах порицал его, в этой его «вынужденной» снисходительности Лу Силай чувствовал молчаливое сочувствие.

Теперь он официально звался «личным императорским фаворитом-льстецом». Император обожал его, осыпая подарками, так что Лу Силай ходил, увешанный императорскими дарами с головы до ног, точно рождественская елка. Даже наследный принц при встрече с ним теперь не смел и пикнуть.

Государь дошел до того, что предложил передать ему трон. Если бы стоявший рядом евнух Лю не рухнул в ноги императору, умоляя того в слезах одуматься, указ вполне мог быть подписан.

Лу Силай не был дураком: у Третьего принца — армия, у Наследного — гвардия Восточного дворца. Случись такому указу выйти в свет, за жизнь «нового императора» никто не дал бы и

ломаного гроша. Да и не тянуло его на трон.

Но мысли о будущем не давали покоя: если наследный принц взойдет на престол, с него точно сдерут семь шкур... Пользуясь моментом, Лу Силай во время игр пытался издалека разузнать, что за человек этот Третий принц.

Однако император, стоило только зайти речи о политике, тут же умолкал. Даже в моменты самого бесшабашного веселья он не терял бдительности.

Лу Силай лишь кривился, мысленно умоляя: «Ваше Величество, если вы и впрямь желаете мне добра, не позволяйте наследнику занять трон».

В один из дней старый император, почувствовав небывалый прилив сил, вдруг вспомнил, что сто лет не был на охоте, и загорелся идеей устроить большой выезд. Лу Силай знал о подобных мероприятиях лишь понаслышке: государь, принцы, знать и воины состязались в скачках и стрельбе. Раз зашла речь о принцах... Лу Силай внезапно осознал, что не видел Девяточку уже больше недели. Совесть кольнула его, и на следующий день, прежде чем идти к императору, он заскочил в Императорскую академию.

Сжимая в руке клетку с говорливым скворцом, он вприпрыжку добежал до кабинета Девятого принца, но того там не оказалось.

Лу Силай замер. Стало вдруг не по себе: конечно, это естественно, что после восьми дней его отсутствия Сяо Цзю может где-то быть. Но в подсознании Лу Силая прочно закрепился образ мальчика, тихо и неподвижно перелистывающего книги за своим столом.

Вспомнив, что император ждет, Лу Силай не стал терять времени. Посвистывая и помахивая клеткой, которая была едва ли не в половину его роста, он припустил к покоям принца.

Резиденция Сяо Цзю была крохотной и располагалась на самой окраине. Лу Силай долго петлял по переулкам, пока наконец не завидел нужные ворота.

Сквозь резное каменное окно он разглядел белую фигуру: юноша, закатав рукава и обнажив тонкие запястья, занимался практикой. Вид его был столь безмятежен и прекрасен, что настроение Лу Силая мгновенно улучшилось. Он прибавил шагу, собираясь окликнуть ученика.

Но не успел он подойти до арки, как раздался оглушительный треск. Тонкая ива, росшая у самого входа, качнулась и рухнула прямо перед ним.

Дерево с грохотом ударилось о землю, подняв облако пыли.

Когда серая взвесь немного осела, Лу Силай уставился на ствол, лежавший всего в паре дюймов от его сапог, и судорожно сглотнул.

Сквозь пыльную завесу Чжао Ишу наконец увидел гостя и выглядел слегка замешанным.

У Лу Силая душа ушла в пятки. Лишь когда скворец в клетке тонким голосом принялся верещать: «Желаю счастья! Желаю счастья!», он пришел в себя.

Покрепче перехватив клетку и снова сглотнув, Лу Силай осторожно перешагнул через поверженную иву.

— Сяо Цзю...

—...

— Учитель пришел навестить тебя.

Девятый принц холодно посмотрел на него:

— Пульс проверять будете?

Лу Силай осекся. Ладно бы мощь Сяо Цзю возросла, но почему за какую-то неделю между ними выросла такая стена?

Принц оставался бесстрастным. Он полузакрыв глаза и отвернулся:

— Входите, учитель. Присядьте.

— А... да, конечно.

Лу Силай попытался убедить себя, что просто отвык. Ведь Сяо Цзю всегда был скуп на эмоции, он постоянно казался слегка отсутствующим. Наверное, это просто его собственное чувство вины за долгое отсутствие заставляет видеть холод там, где его нет. Лу Силай знал лучше любого другого: за этой маской бьется горячее сердце.

Ободрив себя этой мыслью, он решительно вошел следом.

В жилище принца, как обычно, было безлюдно. Лу Силай поставил клетку, уселся на циновку и принялся оглядываться. Вскоре Сяо Цзю сам принес чай.

Лу Силай нарочно с улыбкой следил за каждым его движением, пока принц, не выдержав пристального взгляда, не отвел взгляд в явном смущении.

— Учитель...

Эта едва заметная реакция была настолько трогательной, что Лу Силаю захотелось расхохотаться от избытка чувств.

Но он знал, что сам-то он человек толстокожий, а принц — натура ранимая, так что смех его лишь обидит. Сдержавшись, Лу Силай ласково произнес:

— Ну же. Дай учителю посмотреть, как ты.

Чжао Ишу послушно сел рядом и протянул руку.

Лу Силай лукаво ухмыльнулся, схватил его за кисть и бесцеремонно задрал рукав до самого плеча.

От внезапного холода принц, чьи реакции всегда были немного замедленными, на мгновение замер в изумлении, но вырваться не стал.

«Мягкий, как спелая хурма, — подумал Лу Силай. — Будь на его месте Янь Шэнь, он бы мне уже все зубы пересчитал».

Он принялся внимательно осматривать руку. Следы от плетей почти затянулись, оставив лишь бледные полосы на белой коже. Интересно, исчезнут ли они совсем?

— Все еще болит? — спросил Лу Силай, поднимая взгляд.

Девятый принц покачал головой.

Тогда Лу Силай приложил пальцы к его запястью.

Он снова замер. Даже зная о феноменальном таланте Сяо Цзю, он не мог поверить в ту мощь, что ощутил в его меридианах.

Судя по участи несчастной ивы, Девяточка и впрямь рос не по дням, а по часам. Пройдет еще полмесяца, и его фундамент в боевых искусствах станет непоколебимым.

«Юная поросль внушает трепет...» — мелькнуло в голове у Лу Силая. В свое время он даже не учил Янь Шэня внутренней технике, просто показал пару движений с шестом, а тот развил их до невероятных высот. Что за странная судьба — сталкивать его с такими гениями?

Лу Силай украдкой взглянул на Сяо Цзю и заметил его беспокойство — мальчик явно что-то

заподозрил.

Чтобы не пугать его, Лу Силай решил сменить тему и бодро заговорил:

— Сяо Цзю, ты слышал? Скоро намечается большая охота!

—...

Привыкнув к молчанию принца, Лу Силай уже собирался продолжить, но тот вдруг заговорил сам:

— Учитель, отец больше не помнит об Ишу. Он не позовет меня.

Лу Силай вскинул бровь и улыбнулся, как матерый волк:

— Хо-хо... Оставь это на меня!

Пообещав все устроить, Лу Силай не на шутку постарался. В перерывах между забавами он то и дело пел императору дифирамбы Девятому принцу, расписывая его достоинства.

Старый монарх хоть и слушал с интересом, но всё пропускал мимо ушей, увлеченный играми. Лу Силаю пришлось повторять и нахваливать мальчика снова и снова, пока в конце концов император не отвесил ему легкий подзатыльник.

— Да замолчи ты уже! Уши прожужжал! — прикрикнул он со смехом.

Лу Силай потер затылок, мысленно ворча: «Твой это сын или мой? Прояви хоть каплю интереса, старый ты пень».

Слуги всю готовились к охоте. Здоровье императора было хрупким, медлить было нельзя. Праздник назначили через три дня.

Королевские охотничьи угодья

Лес был оцеплен плотным кольцом тяжеловооруженной императорской гвардии. Лу Силай, восседая на высоком статном коне, чувствовал себя невероятно важной персоной.

Престарелый император выехал на вороном скакуне. В эти дни он выглядел удивительно

бодрым: легко взлетел в седло и, расхохотавшись, пустил коня в галоп, сделав круг по поляне.

Глядя на него, Лу Силай словно видел перед собой того молодого воина, каким государь был когда-то. Глупо улыбаясь, он пришпорил коня и догнал монарха. Не успели они перекинуться и парой слов, как к ним неспешно приблизилась группа гражданских чиновников.

Во главе ехал Янь Шэнь.

Лу Силай невольно зажмурился: в лучах полуденного солнца он в седле был так ослепительно хорош, что кружилась голова. Одно плохо — его парадное черное одеяние с бездонными рукавами, которые едва не волочились по земле, совершенно не подходило для верховой езды. Остальные чиновники выглядели куда плачевнее: кто-то от страха вцепился в конскую гриву, кто-то буквально распластался на крупе, напоминая испуганную ящерицу. Даже те, кто умел держаться в седле, ехали с такой натужной осторожностью, словно под копытами их коней была не земля, а тонкий лед.

Лишь он держался прямо и невозмутимо, превращая обычную прогулку в образец изящества. Лу Силай в очередной раз убедился: характер и принципы — дело десятое, когда природа одарила тебя таким лицом.

Вскоре на поляну с грохотом и гиканьем ворвались военачальники. Эти были совсем другого поля ягоды: они не ехали, а летели, оглашая окрестности зычными криками и поднимая тучи пыли.

Когда все были в сборе и огромная кавалькада приготовилась к выступлению, мимо Лу Силая проехали наследный принц Чжао Инь, высокомерно косясь в его сторону, и князь Ниньян.

И тут Лу Силая словно током ударило.

Сяо Цзю среди них не было.

<http://bllate.org/book/17426/1696237>